

Социально-экономическое положение киргизов и дунган Семиречья накануне восстания 1916 г.

Джамия Маджун

Social and economic situation among the Kirgiz and Dungan population of the Central Asia on the eve of the uprising of 1916

*Djamilya Madzhun (Centre for Dungan and Chinese studies, National Academy
of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic)*

Присоединение Казахстана и Средней Азии к России способствовало развитию здесь новых капиталистических отношений, освоению земель, росту торговли, городов, селений, созданию экономической и транспортной инфраструктуры. Бурное экономическое развитие Туркестанского края стало возможным благодаря появлению необходимых предпосылок для мирной жизни как условия дальнейшего экономического роста. По мнению ряда исследователей, с годами Туркестанская колония превращалась в полноправную часть метрополии, поскольку царская администрация начала проводить политику слияния окраин с империей, в результате чего местное население (казахи и киргизы*) со временем получало равные права с переселенцами¹. Часть киргизского и казахского населения переходила к оседлому и полuosедлому образу жизни, что положительно сказывалось на их уровне жизни.

Согласно статистическим сведениям о Семиреченской обл., в 1883 г. имелось 6 «киргизских» уездов: Верненский, Токмакский, Иссык-Кульский, Копальский, Сергиопольский и Джаркентский, где насчитывалось 87 волостей. В них проживало 135 514 кибитковладельцев, а общая численность киргизского (имеются в виду киргизы и казахи) населения составляла 519 396 человек. Основным занятием коренного населения было кочевое скотоводство. Присоединение Туркестана позволило вывозить отсюда бесчисленные стада лошадей и крупного рогатого скота, которые поставлялись в Россию в виде мяса и кожи. По указанным данным, у киргизского населения имелось 669 173 лошади, 248 438 голов рогатого скота, 92 224 верблюда. Социальный состав кочевого населения был неоднороден. Бедняки, совсем не имевшие скота, составляли 5 302 хозяйства (менее 4% от их общего числа). Основная же масса населения была более-менее обеспеченной: семей, имевших от 1 до 10 голов скота, было 43 585 (32.1%), от 10 до 50 голов — 53 257 (39.3%), от 50 до 100 голов — 17 485 (13%). Более 11% киргизских и казахских семей являлись зажиточными: 8 905 хозяйств (6.6%) владели от 100 до 200 голов скота,

© 2017 г. Д.С. Маджун

* Следует иметь в виду, что в российских документах имперского периода «киргизами» зачастую именовались предки не только современных киргизов, но и казахов (*прим. ред.*)

¹ Кененсариев Т. Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане. Бишкек, 2009; Малабаев С.К. Социальные изменения в Кыргызстане после вхождения в состав России // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. / Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского. Бишкек, 2014. С. 91.

а 6980 семейств (5.1%) — более 200 голов скота. В Токмакском уезде семей, совсем не имевших скота, не было².

В конце XIX в. в Туркестан переселилось многотысячное и многонациональное население из Европейской части России и соседних районов Китая. Проживание на одной территории и совместная экономическая деятельность с коренными народами края положили начало процессу формирования новой социальной общности. Первоначально, когда число русских переселенцев было незначительным, их взаимодействие с коренными народами Семиречья было мирным, хотя и тогда отношения этнических групп, безусловно, не были идиллическими. При этом, несмотря на периодическое сокращение пастбищных угодий местного населения, к 1916 г. у них наблюдался прирост численности скота. Если, как указывалось ранее, в 1883 г. население 6 киргизских волостей владело чуть более 1 млн голов скота, то в 1916 г. только в Пржевальском уезде насчитывалось 2 327 472, а в остальных уездах — свыше 6 млн голов³.

Генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин отмечал, что «за период 40–50 лет владения Россией бывшими среднеазиатскими ханствами, туземное население под защитой русских штыков жило мирной жизнью, развивалось и богатело. Экономический рост завоёванных областей значительно частью был обязан жертвам коренного русского населения, на средства которого содержались войска, проводились железные дороги и проч.»⁴. Налоги, установленные российским правительством, для коренного населения Семиречья были в 2–2.5 раза ниже, чем при Кокандском ханстве, и традиционно фискальная нагрузка на инородцев была меньше, чем на русских крестьян⁵. Последние в 1910 г. платили в Семиречье налог, оброк и несли земские повинности. В год с крестьянского хозяйства взимали свыше 30–40 руб. Официальный налог с кибитки составлял 5 руб. 25 коп., а сумма общих налогов с семьи кочевника — 9 руб.⁶

Льготное налогообложение с беднейшей части кочевого населения, введённое российским законодательством на территории Туркестанского края, способствовало освоению коренным населением новых видов деятельности. У кочевого и земледельческого населения Семиречья появилась реальная возможность улучшения своего материального благосостояния и относительно быстрого обогащения за счёт своего труда. Первой воспользовалась новыми перспективами и возможностями национальная элита, которая сумела ещё больше укрепить своё экономическое положение и политическое влияние. Так, сыновья волостного управителя Шабдана Джантаева создали хозяйства предпринимательского типа. Старший сын организовал крупное земледельческое хозяйство на площади около 100 га, второй — высокотоварное коневодческое численностью 200 голов, третий — пасеку на 300 ульев, дававшую более десятка тонн мёда в год, а четвёртый открыл кожевенный завод с оборотным капиталом около 3 тыс. руб. Такие же крупные капиталисты и ростовщики

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК), ф. 21, оп. 1, д. 773, л. 108–111.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов / Под ред. П.Я. Пяковского. М., 1960. С. 416.

⁴ Центральный государственный архив Кыргызской Республики (далее — ЦГА КР), ф. И-54, оп. 3, д. 5, л. 1–2 об.; Восстание 1916 года в Кыргызстане. Бишкек, 2011. С. 36.

⁵ Галицкий В.Я. История города Пишпека. Фрунзе, 1980.

⁶ Семиреченские областные ведомости. 1910. 5 декабря. № 131.

появились в числе татар, узбеков, уйгуров и дунган Семиречья. Например, крупный скотопромышленник манап Узбек имел около 80 тыс. овец; Абдулла Мусин владел несколькими крупными магазинами; туркмен Сарпек-ков разбогател на торговле скотом, мануфактурой и ростовщических операциях⁷.

Дунгане, переселившиеся на территорию Российской империи в 1870–1880-х гг. из Китая, прибыли сюда, находясь в очень бедственном положении, часто без средств к существованию. Но благодаря мирной жизни, помощи российского правительства и народов Семиречья, они быстро встали на ноги, обзавелись домами, занимаясь земледелием, ремёслами и торговлей. Пржевальский помещик К.А. Иванов отмечал, что дунгане — народ трудолюбивый, «богатели не по дням, а по часам, один кузнец-дунганин лет 6–7 назад перетягивал мне колёса, а весной 1916 г. продал собственных баранов на 40 тыс. руб., который лет 5–6 назад кормил кое-как 10 баранов, теперь кормит от 100 до 1 000 баранов. Засевали последние годы большие площади пшеницы, сурепы и мака. Землю арендовали у города и киргиз»⁸.

По оценкам ряда современников, отношения между массой киргизско-го населения, русскими переселенцами и представителями царских властей в крае в конце XIX — начале XX в. были сравнительно спокойными, даже хорошими. Переселяясь, русские крестьяне нередко приобретали у киргизов участки за крупные суммы, к тому же выращенный колонистами хлеб стоил сравнительно дёшево. Подобная стихийная колонизация даже поощрялась местными жителями. Об этом говорится в показаниях отставного генерала Я.И. Королькова: «Киргизы и раньше не очень гнались за землёй. У них было так много её. Они охотно отдавали свои земли в аренду всем просившим её у них. Последнему ясным подтверждением служат многие долгосрочные (на 30 лет) аренды, которыми пользуется у них не только русское население»⁹.

Между тем за 20 лет площади посевов у киргизов Семиреченской обл. увеличились почти в 4 раза. Так, если в 1882 г. они высеяли 65 459 четвертей, то в 1902 г. — 233 514. Некоторые казахи и киргизы вынуждены были арендовать свои собственные земли обратно у переселенцев¹⁰. Экстенсивный характер киргизского кочевого хозяйства в равнинных районах постепенно заменялся интенсивным земледелием, а безземельные кочевники пополняли ряды батраков, рабочих и ремесленников.

Происходило это благодаря удивительной способности кочевых народов приспособляться к внешней обстановке и перенимать «передовые технологии» у соседей. В 1907 г. депутат I Государственной думы Т. Седельников отмечал: «Научились же они (киргизы и казахи. — Д.М.) при помощи одной лопаты проводить сложнейшие ирригационные сети, коими покрыты все долины реки и речки, от своих соседей — китайцев и дунган. В других районах — масса профессиональных рабочих киргиз, которые работают артелями и чуть ли не самостоятельно додумались до забастовок: это пролетарии чистой воды, в ряде районов ведут земледельческое хозяйство по типу русских

⁷ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 115–116.

⁸ ЦГА КР, ф. И-75, оп. 1, д. 8, л. 11.

⁹ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 16925, л. 212–218.

¹⁰ Шкапский О.А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906. С. 54–55.

переселенцев-соседей. Среди киргизов много плотников, сапожников, кузнецов, извозчиков, чернорабочих, даже писарей и приказчиков. В Средней Азии немало киргиз, которые занимаются садоводством и поливным земледелием, целиком перенятыми у соседних сартов. Это является лучшим доказательством жизнеспособности и энергии киргизского народа и богатства его духовных сил, позволяющих ему быстро осваиваться с окружающими условиями и встать по отношению к ним в наиболее выгодное положение в каждом отдельном случае»¹¹.

Однако социально-экономическое положение киргизского народа вовсе не было безоблачным. Новая экономическая реальность резко ускорила процессы имущественного расслоения, а утрата киргизами значительной части земель стала дополнительным фактором пауперизации части населения. Потеряв земли, тысячи кочевников пополняли ряды безземельных безработных, вынужденных искать работу по найму. В архивном документе говорится, что «киргизы постепенно беднели. Уменьшение земельной площади уменьшало их скотоводческое хозяйство, и часть их пошла батраками к таранчинцам, дунганам и русским»¹².

Не только чиновники и торговцы, но и разбогатевшие здесь русские крестьяне заводили у себя прислугу и стали широко пользоваться киргизами как рабочей силой. Плата за их труд составляла 5–6 руб. в месяц. Во всех русских поселениях Семиречья руками работников-киргизов делалась вся тяжёлая работа: они работали на полях, ухаживали за скотом, добывали уголь и т.д. По оценке Б. Исакеева, от 50 до 90% переселенческих хозяйств имели 1–3 постоянных батраков и 3–15 временных сезонных рабочих¹³. Киргизские баи и манапы, как и дунганские семьи, также использовали наёмный труд киргизской бедноты.

Однако справедливости ради необходимо отметить, что к началу Первой мировой войны в переселенческой работе был наведён относительный порядок, а предвоенные годы выдались урожайными, что способствовало заметному улучшению благосостояния коренного населения. Согласно всеподданнейшему отчёту военного губернатора Семиреченской обл., урожай 1915 г. был самым большим за последнее десятилетие. Хорошо уродился хлеб: из 6 уездов области недобор был зарегистрирован только в Копальском и Джаркентском уездах. Свободные излишки хлеба исчислялись в 10 с лишним млн пудов по области, что составляло более 8 пудов на душу населения. Благодаря излишкам цена на пшеницу составляла 45–80 коп. за пуд. Попытка хлеботорговцев искусственно поднять цену была сразу пресечена установлением твёрдых цен на пшеницу, зерно и муку.

Для скотоводов 1915 г. оказался особенно благоприятным. По окончании полевых работ прирост поголовья скота составил по сравнению с предыдущим годом 32%. Благодаря повышенному спросу на семиреченский скот и продукты животноводства, в пределы Европейской России было вывезено в 4 раза больше скота, чем в 1914 г. Количество вывезенных продуктов животноводства (кожа, овчина, шерсть) увеличилось втрое и в денежном выражении составило более 20 млн руб. Цены на скот и продукты животноводства выросли в 2 раза.

¹¹ Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С. 7–10.

¹² ЦГА РК, ф. 314, оп. 1, д. 2, л. 2–2 об.

¹³ Исакеев Б. Киргизское восстание 1916 г. Фрунзе, 1932. С. 20.

Сумма вкладов в кредитных организациях в 1915 г. увеличилась на 82%, с 344 418 до 628 870 руб., число выданных ссуд — с 9 022 до 15 603, на сумму 1 050 245 руб. возросло поступление государственных и земских сборов и погашение недоимок прошлых лет, составив к январю 1916 г. 283 656 руб. Из других государственных доходов отмечался прогрессивный рост поступлений от эксплуатации госимущества и казённых оброчных статей. В 1915 г. они принесли около 109 тыс. руб., тогда как в 1913 г. — только 30 тыс. руб.¹⁴

Таким образом, накануне восстания 1916 г. в Семиречье наблюдался рост экономики за счёт развития земледелия, скотоводства, торговли, и как следствие, повышалось благосостояние части оседлого и полуоседлого населения. Жители Семиречья вносили значительный вклад в решение проблемы продовольственного снабжения воюющей армии и тыла.

Чем же было вызвано восстание? Пониманию природы трагических событий 1916 г. на азиатской окраине России помогает характеристика современников, которые с горечью писали: «Покорив киргизский край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели были совершенно не подготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым, и при всём при этом они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе, они не приложили усилия даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более лёгкий способ наживы — грабёж покорённого инородца и расхищение природных богатств»¹⁵.

Государство затрачивало огромные усилия для увеличения концентрации русского элемента в крае. Для обеспечения правительственных интересов было создано семиреченское казачество, которое сыграло важную роль в вытеснении туземного населения с их исконных земель. Казакам предоставлялись всевозможные льготы: выделялись огромные земельные наделы и беспрепятственный доступ к водным ресурсам. Нередко оставались безнаказанными незаконные действия, чинимые ими по отношению к местному населению¹⁶.

«Теневая» сторона, разумеется, была и у разрушения традиционного социально-экономического уклада. Как уже отмечалось, к началу второго десятилетия XX в. огромные площади общинной земли киргизов и казахов перешли в собственность русских крестьян и казаков. Кочевое хозяйство невозможно уже было вести по-старому, но для ведения оседлого земледельческого хозяйства нужны были земля и вода, у которых к тому времени появились новые хозяева. Установление русской власти в крае сопровождалось и болезненной для местных народов ломкой традиционной системы общественного самоуправления.

Слабое влияние центральной государственной власти в Семиречье, крайний недостаток честных и квалифицированных кадров, низкие заработки,

¹⁴ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 20053, л. 5–8.

¹⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семёнова и В.И. Ламанского. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. С. 170.

¹⁶ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз), ф. 11-с, оп. 14, д. 56, л. 22–25; оп. 16, д. 2257, л. 5.

бесправие и невежество местного населения явились благоприятными условиями для расцвета коррупции, беззакония и произвола представителей российской и туземной администрации. Жалованье российского управленца среднего уровня было крайне невелико, а бесправное и безоружное туземное население являлось лёгкой добычей для всякого рода проходимцев и их покровителей, занимавших высокие должности в руководстве краевой, областной и уездной администрации.

Анализируя причины восстания 1916 г., представители российской администрации признавали, что главной из них являлась активная русская колонизация Семиречья, приведшая к потере киргизами прежнего обилия земли и воды. Начиная с 1906 г. Семиреченская переселенческая организация в течение трёх лет разместила до 40 тыс. самовольных переселенцев в пределах Пишпекского, Верненского и Пржевальского уездов. Прежние отдельные вспышки недружелюбных взаимоотношений между новосёлами и туземцами стали хроническими¹⁷.

Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман от лица русского государства признал за коренным населением Семиречья право на беспсрочное пользование отдельными площадями земли, а также освобождение их от несения воинской повинности. Но уже с 1897 г. государство начало отбирать у киргизов и казахов землю. Так, один из начальников Семиреченского Переселенческого управления установил новый принцип аттестации подчинённых ему чиновников. Служебные качества чиновника определялись теперь по количеству земли, запланированной им к изъятию у киргизского населения. По признанию властей, основная масса рядовых работников и чиновников переселенческого ведомства в угоду начальству и не считаясь с чувством меры, прилагала все старания к наращиванию массива таких земель. Были случаи, когда ретивые работники планировали к изъятию, как позже выяснялось, даже части китайской территории. Полноценный переход кочевников к оседлому образу жизни встречал противодействие со стороны туземной администрации, а представители российской власти использовали процесс их оседания, чтобы отобрать у них как можно больше земли. Такая деятельность ряда недобросовестных чиновников Переселенческой организации, не раз подвергавшаяся критике за хищнический характер, приводила к деградации животноводческого хозяйства с последующим массовым обнищанием коренного населения¹⁸.

С началом Первой мировой войны были введены новые поборы и повинности, население Семиречья призывалось к жертвованиям в пользу воюющей армии. В первое время эта помощь имела добровольный характер. Современники отмечали, что после объявления войны среди кочевников наблюдался патриотический подъём, все они охотно и щедро жертвовали юртами, лошадьми, деньгами, не было недостатка и в добровольцах, готовых лично встать в ряды Действующей армии. В 1914–1915 гг. киргизские общества по собственному почину помогали в полевых работах семьям запасных ратников, взятых на войну, и безропотно вносили ежемесячный военный налог. В большом количестве поступали жертвования в различные общества. Киргизы предоставили войскам громадные партии юрт, многие совершенно безвозмездно. Проходящим

¹⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 401.

¹⁸ ЦГА РУз, ф. 11-с, оп. 27, д. 688, л. 3.

частям повсюду устраивались встречи и угощения за счёт киргизского населения. На байгах (скачках) и выборах устраивались сборы на нужды войны¹⁹.

По данным газеты «Семиреченские областные ведомости», через несколько дней после начала мобилизации, мусульманские народы Семиречья постановили пожертвовать на нужды войны добровольно по 50 коп. с каждой кибитки, что составило около 15 тыс. руб. Часть средств пошла Красному Кресту, часть — в пользу семей запасных, призванных по мобилизации²⁰.

Только по Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 1914 г., по официальным отчётам Красного Креста, от киргизов поступило около 30 тыс. руб., около 1 тыс. шуб, около 10 тыс. пайпаков, конны, чулки и т.п. Затем киргизы «обложили себя» в пользу Красного Креста налогом в 1–3 руб. с юрты (в уезде насчитывалось до 40 тыс. кибиток-юрт). Позднее комиссией были установлены крупные недостатки собранных пожертвований, которые скрывались вице-губернатором²¹.

Однако вскоре пожертвования из добровольных превратились в принудительные. Воспользовавшись войной, местная русская и туземная администрация начала активно выколачивать их, причём значительная часть собранного оседала в карманах низших и высших должностных лиц. Представление о масштабе хищений при сборе пожертвований можно составить по такому факту: из показаний дунган Николаевской волости следует, что они жертвовали на нужды войны 100 лошадей²². Однако, как показывает Г. Бройдо, до пункта назначения дошло только 90²³.

Следует отметить, что для Семиречья вообще было характерно большое количество незаконных поборов. Современник писал, что они тяжёлым бременем ложились на киргизскую бедноту. Приезды начальства, сопряжённые с приёмами и угощениями, поездки в город должностных лиц, которые не могли сделать там шага без того, чтобы дать кому-нибудь взятку, — всё это увеличивало бремя платежей в полтора–два раза. Бывали случаи, что волостные управители, желая женить сына, собирали калым за невесту в размере 4 тыс. руб. с волости. Малейшая задержка в уплате, не говоря о неповиновении, приводила к вмешательству джигитов, которые прямо-таки выколачивали требуемые взносы плетью. В этом же документе отмечается, что местные начальники, желая выслужиться и соревнуясь друг с другом, пытались собрать как можно больше пожертвований²⁴. Сбор добровольных и псевдобровольных пожертвований по случаю войны ещё более усилил бремя платежей населения.

Из европейских воюющих стран только Россия имела прямой доступ к огромным количествам продовольствия, производившимся в её азиатской части. Но из-за слабо развитого транспорта, перегруженного воинскими перевозками, вывоз продукции отсюда был крайне затруднён. Поэтому скупка

¹⁹ Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (далее — ФРРК НБ РК), инв. 66, л. 121; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 407.

²⁰ Семиреченские областные ведомости. 1914. 4 декабря.

²¹ Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 г. М., 1925. С. 16–17.

²² ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 19369, л. 15–16.

²³ Бройдо Г.И. Указ. соч. С. 19.

²⁴ Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики (далее — РФ ИЯЛИ НАН КР), инв. 54 (Лачко А.Ф. Копийные материалы по теме: «Аграрная политика царизма в годы столыпинской реакции». 1948), л. 278–279.

и реквизиция скота и продовольствия проводилась здесь в меньших размерах, чем в Европейской России, где остро ощущался недостаток хлеба и мяса²⁵.

Тем не менее из Туркестанского края на протяжении войны было отправлено для армии огромное количество грузов: около 41 млн пудов хлопка, 38 тыс. кв. аршин кошмы, более 3.1 млн пудов хлопкового масла, 300 тыс. пудов мяса, около 500 тыс. пудов рыбы. Помимо этого, было поставлено 70 тыс. лошадей, почти 13 тыс. верблюдов, 370 повозок и около 13.5 тыс. юрт. Население пожертвовало на нужды войны 2.4 млн руб.²⁶

Киргизы командировали из каждой волости рабочих для распашки, бороньбы, посева, уборки и обмолота урожая на полях русских солдаток. Кое-где рабочих не выставляли и платили каждой солдатке по 18–35 руб. на «вспомоществование». Обращение с «добровольными» рабочими было до того скверным, что администрации иногда приходилось убеждать солдаток, что они должны хотя бы кормить их²⁷.

Недовольство коренного населения, находившегося под двойным гнётом: с одной стороны, своей туземной администрации — баев и манапов, а с другой — русских властных структур, в ряде волостей принимало форму открытого вооружённого протеста. Один из вождей восстания Канат Абукин главной причиной мятежа называл поборы и вмешательство в выборы волостных начальников. Например, пристав загорных волостей Байгулов и заведующий Меньшиков каждой осенью объезжали волости и собирали по 1 руб. 50 коп. с 2 500 кибиток. Законные сборы собирались отдельно. Абукин отмечал: «Меньшиков смотрел на свой участок как на свои владения и брал у киргизов всё, что хотел, и таким образом, разбогател. Поэтому убили его киргизы именно из той партии, которую он донимал. Если бы Байгулов попался в то время, его бы тоже убили. Лет 10 назад у нас было достаточно земли для нашего скотоводческого хозяйства, которое являлось главным источником существования киргизов. Молодёжь категорически отказывалась дать согласие идти на войну»²⁸.

К началу войны в Семиреченской обл. было более 4 тыс. дунган-мещан и около 16 тыс. крестьян²⁹. Дунгане мещанского сословия вместе с другими народами Семиречья, подлежащими мобилизации, были отправлены на фронт (по оценке Х. Юсурова, в боевых действиях участвовало около 1 500 солдат из этой этнической группы³⁰), а сельские дунгане были мобилизованы для работы в тылу. По словам современника дунганам, «этим выходцам из Китая, жилось особенно привольно под покровительством русских властей; все они достигли значительного материального благосостояния, вели крупную торговлю и имели постоянное общение с русскими»³¹. На самом же деле проникновение капиталистических отношений в дунганскую общину способствовало её расслоению: огромные состояния и земли сосредоточивались в руках нескольких семей, а основная масса населения страдала от малоземелья, гнёта туземной

²⁵ Шигалин Г.И. Военная экономика в Первой мировой войне. М., 1956. С. 195.

²⁶ ФРРК НБ РК, инв. 69, л. 17.

²⁷ Бройдо Г.И. Указ. соч. С. 16, 18.

²⁸ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, л. 280–288.

²⁹ ЦГА КР, ф. 44, оп. 1, д. 20, л. 5.

³⁰ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 1063, 1951 (Юсуров Х. Переселение дунган в Семиречье, 1951), л. 35.

³¹ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, л. 163.

и царской администрации. Количество разорившихся хозяйств росло, увеличивалась армия бедноты и батраков. В.А. Васильев писал, что в 41.6% из всех дунганских хозяйств Семиреченской обл. отсутствовали хозяева, а из остальных 29.7% были беспосевными. «Вообще, — отмечал он далее, — под давлением экономической необходимости, создавшейся вследствие малых наделов, дунгане стали самой подвижной и предприимчивой частью населения Семиреченской области»³².

Велико было у дунган и имущественное расслоение. В Джаркентском уезде три крупных кулака из рода Ба Да Цзяр захватили 350 десятин общинной земли — самые лучшие участки. Джаркентские дунгане подавали жалобы на них и просили разделить их земли между бедняками, но получили от Переселенческого управления Семиреченской обл. отказ³³. Обладая огромным богатством в виде земли, денег и скота, зажиточные дунганские семьи боролись за власть и влияние в волости. Взятки, которые они давали представителям русской администрации во время выборов волостных правителей, были самыми высокими в области и достигали нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч рублей. Современник писал: «Добившись таким путём должностей, они в течение службы исключительно заняты возмещением с лихвой затрат на выборы, всё это собирается, вернее сказать, сдирается с подведомственного населения»³⁴.

«Опираясь на волостные управления, богатые дунгане захватывали земли лучшего качества и в большом количестве, а бедняки пользуются только остатками, не захваченными богатыми», — писал другой современник³⁵. Факты подтверждают эти отзывы. Так, управитель Джаркентской дунганской волости Гулиз Ишмаилов, занимая эту должность более 20 лет, имел огромные площади земли, рисовые поля в Беш-Арале, до 2 тыс. голов скота, много золотых вещей и проч.³⁶ У управителя Мариинской волости Маджапа Маруфу во время восстания 1916 г. было похищено 22 тыс. руб., золотых изделий на 4 тыс. руб., 7 медалей, золотые часы, подаренные генерал-губернатором, шашка, пожалованная императором, вещей на 41 тыс. руб. и 3 тыс. баранов³⁷. Александровские дунгане неоднократно подавали Пишпекскому уездному начальнику жалобы на своего волостного управителя М. Хиахунова о том, что тот незаконно собирает деньги с населения, наложил на них тяжёлую подать и за её уплату не выдаёт им квитанций³⁸.

Городские дунгане занимались огородничеством, садоводством, бахчеводством, производством пищевой продукции — вермишели, макарон, крахмала, рисового мёда, растительного масла. Некоторые содержали караван-сарай, харчевни, занимались извозом и хлебопашеством на арендованной у киргизов земле³⁹. Именно дунгане завезли в Семиречье опийный мак, который стал здесь самой доходной культурой и широко распространился в Пишпекском,

³² Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб., 1915. С. 98.

³³ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 1614, л. 23 об.

³⁴ Там же, д. 12371-а, л. 371.

³⁵ Там же, д. 256, л. 1.

³⁶ Там же, д. 7992, л. 3—10.

³⁷ Там же, д. 16330, л. 71.

³⁸ Там же, д. 16215, л. 5—6.

³⁹ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 17, д. 88, л. 16.

Пржевальском и Джаркентском уездах. Производившийся в Семиречье опий благодаря низкой себестоимости и высокому качеству успешно конкурировал с зарубежными сортами. Для его переработки в 1916 г. в Москве на средства казны был построен первый в России алкалоидный завод с дорогостоящим оборудованием. И. Иванов, непосредственно наблюдавший весь процесс выращивания и сбора мака в дунганских селениях, отмечал: «Бесспорно, что выдвинутая войной добыча опия вольёт в наш край сотни тысяч рублей и даст количество лекарства, достаточное не только для нашей армии, но и для армий наших союзников»⁴⁰.

Впервые государственная монополия на закупку опия была объявлена в 1916 г. (впрочем, контролировать её соблюдение властям было непросто). На производство этой культуры выдавались ссуды, и были приняты все меры к тому, чтобы засеять маком возможно большие площади. Если раньше китайцы скупали опий по цене в 4–5 руб. за фунт, то в казённом приёмном пункте его принимали по 11–15 руб. за фунт. Чтобы конкурировать с казной, китайцы-скупщики вынуждены были поднять цену до 16–18 руб.⁴¹ В Китае же опий нелегально сбывали по цене, несравнимо большей, — не менее 100 руб. за фунт.

Летом 1916 г. только Опийным комитетом было выплачено населению за опий 535 тыс. руб., что дало «значительный доход массе трудящихся киргизов». В 1916 г. почти все киргизы ушли от своих нанимателей, чтобы принять участие в этом выгодном предприятии. Современник отмечал, что киргизы к 1916 г. поняли, что не нужно брать кредиты, и стали выращивать пшеницу, сурепу и мак. Урожаи были хорошие, и денег у каждого было много⁴². Генерал Я.И. Корольков в показаниях о причинах восстания в Пржевальском уезде отмечал, что хотя цены на рабочие руки в то лето выросли почти в три раза, найти работника-киргиза даже за 15 руб. в месяц было невозможно. Химическая лаборатория, принимавшая опий от населения, осаждалась множеством приносивших его людей. Большинство в толпе составляли киргизы, меньше было дунган, ещё меньше — русских⁴³. Ко времени окончания сбора мака цена на рабочие руки поднялась в полтора раза. Техник Илийской изыскательской партии В.С. Кытманов, прибыв на лечение минеральными водами в Джетыюгуз, писал своему начальнику 1 августа 1916 г.: «По уезду производится сбор опиума. Мака насеяно прорва. Платят до 5 рублей в день. Сборщик опиума получает больше, чем техник изысканий на р. Или»⁴⁴.

Опийный комитет имел специальных агентов, которые нередко злоупотребляли своим положением. Под видом контрабанды они задерживали и конфисковали тот опий, который предназначался для сдачи в казну, за что получали вознаграждение. Иногда они таким образом попросту вымогали взятки. За недодачу опия в казну комитет конфисковывал имущество дунган, сажал в тюрьму. Многих людей доставляли в тюрьму даже без указания срока пребывания

⁴⁰ Иванов И. Добыча опия в Пишпекском уезде // Семиречье: ежемесячный сельскохозяйственный и мелиорационный журнал. 1916. № 11.

⁴¹ Сумароков Л.И. К истории распространения и производства наркотиков в Семиречье // Вестник Кыргызско-Русского славянского университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 73.

⁴² РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, л. 278.

⁴³ ЦГА РК, ф. 44, отд.1, т. 2, д. 16925, 1916 г., л. 213.

⁴⁴ РГИА, ф. 432, оп. 1, д. 69, л. 106.

их в заключении, утверждал один из чиновников того времени⁴⁵. Все эти действия администрации вызывали недовольство и возмущение многотысячного населения Пржевальского уезда и китайских подданных, занимавшихся производством и скупкой опия, что и стало одной из главных причин восстания. Так, по словам пржевальского мещанина Иванова, накануне восстания знакомый дунганин говорил ему, что дунгане и китайцы агитируют устроить бунт, желая воспользоваться этим для вывоза опия в Китай⁴⁶.

В связи с тем, что срок вытяжки опия ограничен несколькими днями, а площади посевов были огромны, требовалось привлечение многотысячной армии подённых работников. Ко времени начала восстания в Пржевальском уезде насчитывалось до 7 тыс. китайских подданных, привлечённых сюда опийным делом, в то время как русских подданных среди дунган в этом уезде насчитывалось менее 2 тыс. Весной 1916 г. «Семиреченские ведомости» опубликовали заметку из Пржевальского уезда, где говорилось, что «на посев мака у многих глаза и зубы разгорелись» в ожидании больших барышей. По данным журнала «Туркестанское сельское хозяйство», в 1916 г. в Семиречье маком было занято 8.5 тыс. десятин, из них в Пишпекском уезде — 200, в Джаркентском — 500 и в Пржевальском — 5 тыс.⁴⁷

Общие причины недовольства коренного населения Семиречья крылись в изъятии лучших киргизских земель для русских переселенцев, притеснениях со стороны русского населения при общении, всевозможных торговых сделках, найме рабочих. Благодаря новому устройству киргизского туземного управления, вся масса киргизской бедноты обиралась волостными управителями, биями и манапами, опиравшимися на русскую администрацию. В Семиречье в результате массовой потери земли и скота огромное количество киргизов оказалось безземельными батраками. Недовольство киргизов своим положением началось задолго до восстания и иногда принимало форму противодействия вновь прибывшим переселенцам, но чаще всего приводило лишь к уходу целых аулов в Китай. Это недовольство активно использовалось иностранными агентами, подстрекавшими киргизов и дунган к восстанию.

Непосредственным поводом к началу беспорядков в Семиречье, как известно, послужило Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе Действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г.

Накануне восстания в уездах, где выращивался мак, помимо многомиллионных стад киргизского скота были сконцентрированы огромные денежные средства и опий на миллионы рублей, представлявшие желанную добычу для любителей поживиться за чужой счёт. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что восстание туземцев в уездах, где выращивался опийный мак (Пржевальский, Пишпекский и Джаркентский), началось значительно позже, чем в других областях Туркестана, и приняло особенно жестокий и кровопролитный характер. Если массовые беспорядки при составлении списков мобилизуемых рабочих в ряде районов Туркестана начались уже в начале июля,

⁴⁵ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 28, 1947 (Юсупов Х. История советских дунган), л. 28.

⁴⁶ Восстание 1916 года: документы и материалы / Под ред. К.И. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 198.

⁴⁷ Туркестанское сельское хозяйство. 1917. № 4—5. С. 256.

сразу после указа о мобилизации, то в отмеченных уездах — только в конце первой декады августа. В то время сбор урожая мака завершился и списки рабочих были составлены практически во всех волостях⁴⁸. Жандармы и сотрудники Опиного комитета охраняли тех, кто сеял мак, а также скупщиков, препятствуя вывозу опия в Китай. Многие дунгане отправили свои семьи в Китай заблаговременно, намереваясь присоединиться к ним после сбора мака; этого же момента ждали тысячи китайских подданных — дунган, китайцев, сартов, на руках у которых находились деньги и опий в общей сложности на сотни тысяч или даже миллионы рублей. Вывезти ценности из Семиречья в обычных условиях им было бы сложно. Для этой многотысячной массы людей были крайне выгодны беспорядки и волнения, чтобы, воспользовавшись ими, вывезти опий в Китай. Окончания сбора опия, видимо, ждала и уездная администрация, и военные. «Массовые беспорядки» коренного населения были для власти имущих удобным поводом для сокрытия собственных злоупотреблений и хищений из государственной казны — их можно было списать на «бунтовщиков».

Таким образом, рост экономики и повышение благосостояния коренного населения накануне восстания 1916 г. шли параллельно с усилением злоупотреблений и беззакония со стороны русской и туземной администрации, преследовавших цели личного обогащения. В государственную казну поступала лишь небольшая часть от собираемых налогов и многомиллионного урожая опиума. Война значительно ухудшила положение народных масс Семиречья: помимо изъятия лучших киргизских земель для русских переселенцев непрерывно шла мобилизация людей, скота, подвод для нужд фронта, увеличивались налоги, повинности, «добровольные» пожертвования на войну. Вывоз сельхозпродукции из края приводил к росту цен на продукты питания и промышленные изделия, которые подорожали на 50–300%⁴⁹. В результате массовой потери земли и скота в Семиречье появилось огромное количество нищих батраков. В целом же социальный взрыв 1916 г. был обусловлен не только событиями нескольких военных лет, но и долговременными социально-экономическими условиями развития региона.

⁴⁸ Бройдо Г.И. Указ. соч. С. 27.

⁴⁹ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 16913, л. 13.